

ВВЕДЕНИЕ

Известно, что на территории бывшего СССР исторические споры вокруг автохтонности той или иной нации на спорных землях (проще говоря, о том, чьи предки появились там раньше) стали одной из причин ряда войн между тогда формировавшимися, а позже ставшими непризнанными, государствами и их бывшими сюзеренами. Это явилось общим фоном войн между Приднестровьем и Молдовой (1992 г.), Нагорным Карабахом и Азербайджаном (1992-1994 гг.), Грузией и Абхазией (1992-1993 гг.), Грузией и Южной Осетией (1991-1992 гг.). Хотя эти конфликты были вызваны постсоветским правовым вакуумом¹, их чрезвычайную жестокость трудно представить без учета историографического оправдания претензий сторон. Этой теме посвящено много работ В. Шнирельмана², С. Лакобы³ и С. Китагавы⁴. Почти пятнадцать лет спустя наблюдается заметное историографическое развитие, особенно на стороне бывших вассалов (это естест-

¹ Бывшие сюзерены оказались бесспорными фаворитами международного сообщества, признавшего в качестве новых независимых государств только бывшие союзные республики СССР. В ответ автономии настаивают на том, что они подчинялись союзным республикам только как административным единицам бывшего государства, то есть СССР (причем, чрезвычайно неохотно), и не подчинялись независимым Молдове, Грузии и Азербайджану. Поэтому, по их мнению, об автоматическом переводе их административного подчинения в государственную принадлежность речи быть не может.

² *Shnirelman V.A. The Value of the Past: Myths, Identity and Politics in Transcaucasia.* Osaka, 2001 (рус. версия: *Шнирельман В.А. Войны памяти: мифы, идентичность и политика в Закавказье.* М., 2003); *Shnirelman V. The Politics of a Name: Between Consolidation and Separation in the Northern Caucasus // Acta Slavica Iaponica.* 2006. Vol. 23. P. 37-73 (http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicatn/acta/23/02_shnirelman.pdf).

³ *Лакоба С. Ответ историкам из Тбилиси: документы и факты.* Сухум, 2001; *Он же. Абхазия после двух империй: XIX-XXI вв.* Саппоро, 2004 (http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/coe21/publish/no5_ses/contents.html).

⁴ *Китагава С. Национальные вопросы и исторические нарративы в Закавказье (на япон. яз.).* Хиросаки, 1998.

венно, так как при коммунизме образование у них значимых школ историков не допускалось). Наступило время для повторного суммирования и анализа историографий непризнанных государств⁵, с чем любезно согласились видные представители исторической науки Грузии, Приднестровья, Нагорного Карабаха и Южной Осетии. В исследовании также принял участие японский специалист по Армении Т. Ёсимура.

Настоящий сборник является частью исследовательского проекта «Непризнанные государства в бывших социалистических странах: сравнительный и многослойный подход» (2005-2008 гг.), а также программы СОЕ (Center of Excellence) XXI века как генерального спонсора наших трудов⁶. Поэтому было бы целесообразным коротко изложить принципы составления сборника. В первую очередь я поставил целью максимальное участие историков обеих сторон не только ради повышения научности сборника, но и для того, чтобы само его издание стало шагом вперед к мирному сосуществованию конфликтовавших сторон. Неучастие абхазских историков объясняется достаточной известностью их взгляда благодаря активной работе Станислава Лакобы, в том числе его трудам, опубликованным под эгидой Центра славянских исследований⁷. Что касается молдавской историографии, то мы готовим издание, посвященное комплексному анализу приднестровской проблемы, в том числе ее историографического аспекта. Пожалуй, печальным недостатком настоящего сборника является то, что в нем не представлен голос азербайджанских историков, несмотря на все старания редактора. Однако отрадно, что состоялся высокопрофессиональный диалог между К. Дзугаевым и Т. Джоджуа — представителями южноосетинской и грузинской историографии.

Странный на первый взгляд контраст между методологической общностью историков противостоящих лагерей (они разделяют примордиализм) и расхождением в интерпретации ими исто-

⁵ Недавно я исследовал процесс создания истории абхазской православной церкви. См.: *Мацузато К.* Патронное президентство и политика в сфере идентичности в непризнанной Абхазии // *Acta Eurasica* (в печати); *Matsuzato K.* Religions, Ethnicities and Identity Politics in Unrecognized Abkhazia // *Russia Profile* (в печати).

⁶ Оба проекта финансирует Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии Японии.

⁷ Кроме упомянутой антологии, его книгу «Абхазия — де-факто или Грузия де-юре: о политике России в Абхазии в постсоветский период, 1991-2000 гг.» (Саппоро, 2001; <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publicntn/lakova/lakova-contents.html>) прочитали и В. Путин, и Э. Шеварднадзе.

рических фактов имеет корень, подобно самим вооруженным конфликтам, в советских способах государственного строительства. СССР был империей, в которой нацменьшинствам предоставлялись преимущественные права («affirmative action empire»)⁸. Большевики, испуганные национальными движениями, появившимися на территории бывшей Российской империи в 1917-1921 гг., а также внезапным распадом Габсбургской империи, пересмотрели свое до тех пор несколько циничное отношение к национальным вопросам. Они решили, что лучше даровать элементы национальной свободы сверху, нежели уступить их под давлением снизу. В относительно короткий период после прихода к власти большевики изобрели систему «научного» определения этнонимов и этнических категорий (в дореволюционной России даже украинцы не имели эндоэтнонима), установили иерархию национальных территориальных образований, основанную на своеобразном понятии «титульная нация», а также систему образования школьников на родных языках и воспитания национальных кадров. В этом контексте поощрялось создание национальных историографий с целью оправдания формирующейся иерархии наций, в частности, привилегии союзных республик. Национальные историографии СССР служили также орудием оправдания административных границ, значительная часть которых после распада СССР превратится в государственные границы.

Если западные страны старались преодолеть межнациональные различия в плане образования и иных социальных возможностей с помощью нетерриториальных мероприятий, нацеленных на индивидов, в СССР присваивали статус этнотерриториальным образованиям. Республики с союзным статусом (например Грузия) имели наилучшие условия для развития, территориальные образования с автономным статусом (например абхазы) — менее благополучные, а этнические группы без территориального образования (например мегрелы) преодолевали огромные трудности с целью сохранить свой язык и идентичность. Так сложилась иерархия наций, для оправдания которой советские историки легко распрощались с марксистским представлением о том, что нации являются буржуазной конструкцией (то есть присущи новому времени). Советские историки начали искать генезисы наций в тысячелетнем прошлом,

⁸ Известное определение СССР гарвардским историком Терри Мартином (Terry Martin). См. его *The Affirmative Action Empire: Nations and nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. London, 2001.

что завершилось установлением маризма⁹. В то время как на Западе преобладало конструктивистское понимание наций, советская историография выглядела как остров примордиализма.

Нельзя недооценивать примордиализм, считая его просто старомодной методологией. Т. Уяма отмечает, что маризм все-таки был развитием прежней методологии, объяснявшей национальную историю в основном миграцией якобы чистокровных этнических сообществ¹⁰. В самом деле, благодаря примордиализму советская национальная историография развивалась как междисциплинарная и многосторонняя наука, интегрирующая не только историю, но и археологию, этнографию, фольклористику и антропологию. Советский примордиализм дал импульс, в частности, исследованию древней истории Евразии. Как лишний раз показали авторы настоящего сборника, богатые фактические материалы, собранные в ходе поиска истоков наций, интересны сами по себе даже для тех, кто не разделяет эту методологию. Наилучшие школы советского примордиализма, например, школа Р.Г. Кузеева из Башкортостана, до сих пор не потеряли своего мирового значения. Это особенно важно, если иметь в виду, что конструктивистский подход к национальной истории, уделяя слишком большое внимание проблемам этнонимов, самоидентификации и дискурсов, иногда превращается в игру слов.

Независимо от его научной значимости, самая серьезная проблема советского примордиализма заключалась в том, что он оказался инструментом национальной политики, основанной на этнотерриториальном федерализме и концепции титульных наций. Основное содержание этого подхода следующее.

1. Автохтонная этническая группа должна стать титульной нацией данной территории.
2. Желательно, чтобы административное деление и этнический состав населения совпали, но автохтонность важнее демографического веса. (Поэтому в СССР титульная нация часто составляла меньшинство на «своей» территории).
3. Представители титульной нации должны пользоваться преимуществом в образовании и карьере, в частности, в сфере политического руководства и научно-культурной деятельности на данной территории.

⁹ *Uyama T.* From "Bulgharism" through "Marrism" to Nationalist Myths: Discourses on the Tatar, the Chuvash and the Bashkir Ethnogenesis // *Acta Slavica Iaponica*. 2002. Vol. 19. P. 163-190 (<http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/publictn/acta/19/uyama.pdf>).

¹⁰ *Ibid.* P. 174.

Без учета этих материальных мотиваций трудно себе представить тот необыкновенный подъем интереса к этногенезу, который наблюдался в советской историографии. Однако этнотерриториальный федерализм, предоставлявший преимущество титульным нациям, по сути центробежен. В социалистических федерациях, таких как СССР и Югославия, эта система функционировала более или менее нормально только благодаря монополии Коммунистической партии на дефиницию этнических категорий и этнонимов, на определение статуса той или иной нации в этнотерриториальной иерархии и вследствие беспощадного подавления любого отклонения от «ленинских принципов» советского федерализма. Когда это условие было потеряно, этнотерриториальный федерализм превратился в теоретическую основу для вооруженных конфликтов в СССР и Югославии.

Трудно считать логичным такое поведение, когда, с одной стороны, критикуют дискриминацию второго поколения русскоязычного населения в Латвии и Эстонии (то есть тех, кто там родился), а с другой, считают, что тот народ, пращур которого освоили какую-либо территорию, например, в X в., имеет на нее больше прав, чем тот, чьи предки пришли туда в XVIII в. Однако этноконфессиональный федерализм, понятия «автохтонность» и «титульная нация» укоренились в мышлении политиков и интеллигенции бывшего СССР (в том числе непризнанных государств и их бывших сюзеренов) столь прочно, что повторяемые международными организациями (ООН, ОБСЕ и Советом Европы) разъяснения о том, что история не имеет никакого значения в урегулировании конфликтов, просто не доходят до их ушей. Неотложной задачей представляется освобождение советского примордиализма от его традиционной политической функции, а после этого наука решит свою задачу самостоятельно.

Настоящий сборник демонстрирует разницу в возможностях будущего историографического диалога между непризнанными государствами и их бывшими сюзеренами. Он может состояться без особых проблем между историками Молдовы и Приднестровья. В отличие от карабахских и южноосетинских историографов, эталоны для которых были сформированы еще в советское время в Армении и Северной Осетии, историки Приднестровья вынуждены были создавать историографию с нуля. Об этом подробно пишет Н. Бабилунга. Поскольку Приднестровье многонационально, региональный (неэтнический) подход не мог не стать ведущей идеей новорожденной историографии. Предки сегодняшних жителей региона переселились

сюда сравнительно недавно — после победы генерала А.В. Суворова над Османской империей в 80-е годы XVIII в., и не были найдены ни фольклор, ни археологические данные, которые можно связать с современным населением; короче, нет ни одного из любимых оружий примордиалистов. Молдавская историография раскола между румынистами и молдавистами, иначе говоря, в Молдавии не сложились доминантные дискурсы национальной историографии, что расширяет возможность диалога с приднестровскими историками.

Отношения между историками Грузии и Южной Осетии несколько сложнее, однако Т. Джоджуа разделяет мнение осетинских историков о том, что ирано-язычные аланы — предки современных осетин. Т. Джоджуа и К. Дзугаев расходятся только по вопросу о том, насколько южнее хребта кавказских гор проживали аланы до XVII в. Дзугаев мобилизует для своих аргументов источники этимологического характера, а Джоджуа — археологические находки. Дзугаев признает, что Цхинвальский регион был территорией, на которой сожительствовало протоосетинское и картлийское население, и предполагает союзнические отношения между этими племенами до их разгрома монголами.

Пожалуй, наиболее сложными являются отношения между армяно-карабахской и азербайджанской историографиями. Как показано в главах В. Балаяна и Т. Ёсимура, наиболее спорными пунктами являются так называемая албанская теория и справедливость решения Кавказского бюро ЦК РКП (б) от 5 июля 1921 г., которое изменило свое предыдущее решение, принятое за день до того, и подчинило Нагорный Карабах Азербайджанской ССР. Азербайджанские историки считают древних кавказских албанцев предками современных азербайджанцев. Поскольку в настоящем сборнике азербайджанские историки не участвовали, советую читателям ознакомиться с трудами В. Шнирельмана, в которых подробно проанализирована албанская теория¹¹. Что касается решения Кавказского бюро от 1921 г., то статья С. Алиджарли раскрывает позицию, близкую азербайджанской¹².

Счастливым исключением представляется диалог между грузинским и южноосетинским историками, состоявшийся в настоя-

¹¹ *Shnirelman V. The Value of the Past. P. 113-147; Шнирельман В. Войны памяти. С. 147-194.*

¹² *Alijarly S. The Republic of Azerbaijan: Notes on the State Borders in the Past and the Present // Transcaucasian Boundaries. Ed. Wright J.F.R. et al. London, 1996. P. 113-133.*

щем сборнике. Попытки подобного историографического диалога часто заканчиваются лишь сопоставлением взглядов, сопровождаемым резкими обвинениями в адрес коллег-историков, находящихся на противоположной стороне баррикад. В самом деле, разногласия сторон в интерпретации исторических фактов просто поразительны. Однако если учесть, что подобный историографический диалог между Японией и Кореей или Китаем, между Польшей и Украиной, между Россией и Украиной, между США и Вьетнамом либо находится в зачаточном состоянии, либо вообще не начат, то неудивительно, что историки сторон, находящихся в состоянии «ни войны, ни мира», не успели найти общий язык. Нельзя недооценивать значения хотя бы сопоставления позиций в одном сборнике или, что было бы еще лучше, в одной аудитории.

Помня и скорбя о тех человеческих жертвах, к которым привели упомянутые войны, рискну отметить, что такие регионы, как Закавказье и Западное Причерноморье, являются сокровищницами этнической истории и весьма привлекательным полигоном для методологий ее анализа. Когда историки освободятся от того заблуждения, что история может не оправдать чье-либо проживание на той или иной территории, и когда они вспомнят о профессиональном уважении друг к другу, эта сокровищница, несомненно, будет служить мировой науке в полной мере.

Кимитака Мацузато
доктор юридических наук,
профессор Центра славянских
исследований университета
Хоккайдо

Саппоро, 19 февраля 2007 г.